

Научная статья
УДК 821.161.1-3.09(510)
DOI 10.37724/RSU.2023.78.1.010

Современное достоевсковедение в Китае: основные методологические тенденции

Татьяна Васильевна Федосеева¹, Цэн Цзя²

^{1,2} Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

¹ t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru

² sissizengjiaxpq@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются исследования первых десятилетий XXI века, посвященные творчеству Ф. М. Достоевского в Китае. Актуальность темы определяется тем большим значением, которое придают образу России и его восприятию в современном китайском обществе. Не случайно в центре исследовательского внимания оказывается русская литература классического периода. По общему мнению, она прямо согласуется с национальным характером России. Особое внимание в этом отношении привлекает творчество Достоевского. В статье описан и систематизирован значительный объем материалов современного китайского достоевсковедения. Большой пласт научных работ разного уровня и объема требует обобщения и типологизации с точки зрения методологической направленности. Этой цели и посвящено настоящее исследование. Анализ сложившейся ситуации позволяет констатировать факт совмещения ставших традиционными подходов с новыми исследовательскими тенденциями. В ходе аналитического обзора установлено, что современному литературоведческому дискурсу в Китае свойственно соединение методов сравнительного анализа и философско-эстетической концепции М. М. Бахтина, социологической критики и религиозно-культурологического подхода. В каждом из направлений сформировались базовые точки исследования, сложились определенные интерпретационные оценки. Выделяются принципиальные суждения и относительно спорные моменты дискуссий. Новые подходы к исследованиям отмечены теоретическими обобщениями главным образом в применении полифонической теории и религиозно-культурологического подхода.

Детализация научного дискурса позволяет выделить устоявшиеся трактовки проблематики романов Достоевского, а также констатировать недостаточную глубину понимания их ценностного содержания в отдельных работах. Последнее обусловлено различием ментального характера двух культурных традиций — русской и китайской. Полученные результаты важны для китайской и русской науки и будут способствовать развитию достоевсковедения в Китае.

Ключевые слова: достоевсковедение, Китай, XXI век, сравнительное изучение литератур, социологическая критика, полифоническая теория М. М. Бахтина, религиозно-культурологическая направленность.

Для цитирования: Федосеева Т. В., Цэн Цзя. Современное достоевсковедение в Китае: основные методологические тенденции // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 1 (78). С. 102–117. DOI: [10.37724/RSU.2023.78.1.010](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.78.1.010).

Original article

Studies of Dostoevsky in Contemporary China: Main Trends in Methodology

Tatyana V. Fedoseeva¹, Tseng Jia²

^{1,2} Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

¹ t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru

² sissizengjiaxpq@yandex.ru

Abstract. The article focuses on 2000–2010s Chinese studies of F. M. Dostoevsky. The relevance of the topic is determined by the great importance attached to the image of Russia and to its perception in modern Chinese society. It is no coincidence that in China, Russian literature of the classical period remains the center of research attention. According to the general opinion, it is directly consistent with the image of the Russian national character. In this respect, Dostoevsky's works attract special attention. The article describes and systematizes a great amount of materials of current Chinese studies of Dostoevsky. This huge layer of research at different levels requires generalization and a new typology in terms of their methodological orientation, which the present study aims to provide. A state-of-the-art analysis enables us to state the fact that traditional approaches are often combined with new

research trends. In the course of this review, it was established that the modern literary discourse in China is characterized by a combination of methods of comparative analysis and the philosophical and M. Bakhtin's aesthetic concept, sociological criticism, and the religious-cultural approach. In each of the directions, the basic points of the study were formed, as well as certain interpretative assessments. We highlight the recurrent judgments and certain controversial points. New approaches to research are based on theoretical generalizations, mainly in the application of the polyphonic theory and the religious-culturological approach. Investigating this scientific discourse makes it possible to highlight the established interpretations of the problems in Dostoevsky's novels, as well as to state insufficient depth of understanding of their value content in individual works. The latter deficiency is due to the difference in the mental nature of the two cultural traditions, Russian and Chinese. The results obtained are important for Chinese and Russian scholarship and will contribute to the development of Dostoevsky studies in China..

Keywords: Dostoevsky studies, China, 21st century, comparative study of literature, sociological criticism, M. M. Bakhtin's polyphonic theory, religious and cultural orientation.

For citation: Fedoseeva T. V., Tseng Jia. Studies of Dostoevsky in Contemporary China: Main Trends in Methodology. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 1 (78):102–117. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.78.1.010.

Введение

В первые десятилетия XXI века весьма насыщенными оказались китайские исследования в области творчества Ф. М. Достоевского. В условиях все большей академической свободы их результаты исследований превзошли любой предыдущий период. Академическое видение и проблематика стали шире, а методы более разнообразными. Хотя в большинстве работ сохраняется ориентированность на современную западную теорию литературы, обозначились новые исследовательские перспективы.

Вопрос о состоянии современного китайского достоевсковедения привлекает внимание ученых не только в Китае, но и в России. Работы обзорного и проблемного характера публикуются как на русском [Сюй Чаожань, 2015 ; Алексеев, 2016 ; Семькина, 2016 ; Хуэйжун, 2020 ; Чжао Хун, Дубкова, 2021 ; Ма Мэнцзо, 2022], так и на китайском языке [张变革 [Чжан Бяньгэ], 2012 ; 刘娜 [Лю На], 2017 ; 丁世鑫 [Дин Шисинь], 2021].

Осуществляя историко-библиографическое описание работ по проблеме современной рецепции творчества русского писателя в Китае, опубликованных за последние два десятилетия, ученые приходят к выводу о положительном воздействии достоевсковедения на развитие академической науки в стране. В частности, в работе Чжао Хун и О. В. Дубковой было отмечено, что «активная переводческая, издательская и исследовательская деятельность в Китае, связанная с именем Достоевского, становится импульсом для развития современной китайской академической науки» и способствует процессу «интеграции китайских научных исследований в мировую науку» [Чжао Хун, Дубкова, 2021, с. 681].

С начала XXI столетия изучение произведений Ф. М. Достоевского уже не ограничивается введением диахронической информации, на этой основе проводят более глубокие проблемные изыскания. Так, авторы статей «Восприятие идей М. М. Бахтина и китайское достоевсковедение» [曾军 [Цзэн Цзюнь], 2003] и «Измерение религии: обзор исследований культурной поэтики Ф. М. Достоевского в Китае» [王志耕 [Ван Чжигэн], 2006] помещают в академическое поле вопрос о распространении и принятии Достоевского в Китае, учитывают комплексную теорию и культурную поэтику, стремятся избежать ограниченности углубленного проблемного анализа. Осуществленный Цзэн Цзюнем ретроспективный анализ, обращенный к работам последних десятилетий XX века, указывает на открытость академического пространства полифонической теории М. М. Бахтина и преобладание ей китайского достоевсковедения. Ван Чжигэн, опираясь на исследование «Идеи Ф. М. Достоевского» Мао Дуна [茅盾 [Мао Дун], 1922], четко разграничивает религиозную мысль и религиозную поэтику в произведениях Достоевского [曾军 [Цзэн Цзюнь], 2003]. Произведенный исследователем отбор исторического материала и рациональный анализ в значительной степени прояснили аспект слияния в творчестве русского писателя религиозной мысли и культурной традиции.

Большинством аналитиков в развитии современного достоевсковедения отмечается связанный с переводами трудов М. М. Бахтина устойчивый интерес к исследованию комплекса философских, литературных, религиозных, социологических и психологических идей и взглядов Ф. М. Достоевского, а в целом направление определяется как «культурологическое». В связи с этим выделяется ряд проблем: «абсолютной истины», положительного и отрицательного героя,

отношения автора и героя, религиозного и светского сознания человека, указываются также неточности в переводе и интерпретации сочинений Достоевского на китайский язык, обусловленные расхождением приоритетов ценностных систем [Сюй Чаожань, 2015 ; Алексеев, 2016 ; Чжан Жуньмэй, 2017 ; 曾军[Цзэн Цзюнь], 2003 ; 张变革 [Чжан Бяньгэ], 2012 ; 张磊 [Чжан Лэй], 2014 ; 刘娜 [Чжан Жуньмэй], 2017].

Значительный объем и различная методологическая направленность научных материалов по проблеме изучения литературного наследия Ф. М. Достоевского в Китае, опубликованных в новом тысячелетии, требует обобщения и типологизации.

Целью настоящего исследования является определение основных методологических подходов, сложившихся в практике современного китайского достоевсковедения.

Основная часть

Сравнительное изучение литератур

Исследовательское поле с применением сравнительного метода в изучении литературы устанавливается в материковом Китае в конце 1970-х годов. В нынешнем веке этот научный дискурс продолжает неуклонно развиваться. Изучение личности и творчества Ф. М. Достоевского как представителя классического периода русской литературы закономерно входит в научный контекст времени, основанный на академической науке. В рамках сравнительного подхода работает большая исследовательская группа китайских ученых, находящихся под определенным влиянием международной науки.

Такого рода исследования можно разделить на два вида: первый заключается в классификации и обобщении материалов по истории распространения и признания литературного наследия Ф. М. Достоевского в Китае и за рубежом, а второй — в сравнительном анализе творчества русского писателя с китайскими авторами.

Первый вид исследований имеет долгую историю. Уже в 1955 году ученый Гэ Баоцюань в статье «Произведения Ф. М. Достоевского в Китае» проанализировал статус перевода и распространения произведений Ф. М. Достоевского в Китае до 1949 года [戈宝权 [Гэ Баоцюань], 1956, с. 55–59]. После этого по историческим причинам исследования творчества Достоевского были приостановлены до начала 1980-х годов, когда оно вновь попало в поле зрения академической науки и изучалось преимущественно с применением исторического подхода.

Современный этап в сравнительном изучении литературного наследия Ф. М. Достоевского отмечен включением исследований китайских ученых в академический международный дискурс, что ранее было совершенно невозможно. Прочная теоретическая база отличает работы «Дезтнические характеристики и расширение глобальных ценностей — образ Достоевского в западном видении XX века» [林精华 [Линь Цзиньхуа], 2003], «Достоевский и русская драма» [张变革 [Чжан Бяньгэ], 2007], «“Братья Карамазовы”: суждения за и против» [张变革 [Чжан Бяньгэ], 2009] и др. Их авторы провели подробный анализ вопросов научного статуса поэтики Достоевского в исследованиях на Западе, проследили смену интерпретаций романа «Братья Карамазовы» российскими и западными учеными, а также определили научные перспективы темы. Названные работы строились на ретроспективном анализе различных источников до конца 1990-х годов с цитированием большого количества современных зарубежных исследований. Так, в списке литературы к статье Чжан Бяньгэ о романе «Братья Карамазовы» — двадцать пять наименований работ на иностранных языках. Столь широкий круг зарубежных источников информации позволяет провести серьезный анализ проблемы современного изучения и интерпретации творчества Достоевского в мировой академической науке.

Значительный и объемный блок исследований второго вида с применением сравнительного метода составляют работы по изучению творчества Ф. М. Достоевского и китайского прозаика Лу Синя. Такого рода работы всегда были ключевыми в китайской компаративистике. В настоящее время все больше внимания уделяется традиционным культурным факторам литературного творчества двух авторов, осмысливается расхождение ценностных ориентиров, подчеркивается идеал христианского смирения у Достоевского и выделяется просветительская направленность на преобразование общественной жизни Лу Синя. По наблюдениям Чжан Мэна, «спасителем у Ф. М. Достоевского часто является Христос (“богочеловек”); когда сам повествователь или его персонажи находятся в затруднительном и страдательном положении, для них вспыхивает свет спасения. Спаситель Лу Синя в основном супермен, который сопротивляется в самом отчаянном положении (“человекобог”). Как

и сам Лу Синь, он находится в китайском контексте, и в его сердце “нет Христа”»¹ [张勳 [Чжан Мэн], 2008, с. 76].

Это замечание справедливо. Как представители русской и китайской культуры, Ф. М. Достоевский и Лу Синь не тождественны в ценностной идентичности, как писатели — в приемах индивидуальной пластики личности, идеологическом и концептуальном порядке и методах дедукции. Это несовпадение неизбежно приводит к различиям в художественном выражении. Если его игнорировать, возникнут неверные толкования и суждения, вследствие которых романы Лу Синя приравниваются к полифоническим романам Достоевского. У Чуньшэн заметил: «Это вопрос огромных различий между двумя культурами с совершенно разными художественными формами и коннотациями. Между Достоевским, с русским чувством страдания и сострадания, и Лу Синем, китайцем, которому также свойственно чувство страдания и сострадания, все же лежит непреодолимое препятствие. Это русская православная вера, которую называют тайной России, которая отличается как от восточной, так и от западной религиозности, католицизма и протестантского христианства» [吴春生 [У Чуньшэн], 2005, с. 60].

Однако исследователи в этот период все еще не определились в ключевом вопросе — о системе координат и ценностных значений изображенного мира двух авторов. Если ценностные координаты нестабильны, то исследователь не сможет избавиться от дилеммы сравнения для сравнения, а также реализовать «сочувственное понимание» индивидуального духовного мира русского писателя как представителя иной культуры [齐宏伟 [Ци Хунвэй], 2008]. Кроме того, возникает вопрос о перспективности оценочного суждения: «Понятно, что Лу Синь не мог принять “терпимость” Достоевского. Перед лицом тьмы, угнетения и страданий вы не можете просто принять тьму и страдания. Вы всегда должны бороться, быть недовольными и раздражаться. Однако Достоевский хотел, чтобы люди терпели страдания, думая, что оно — необходимая лестница на небеса, а бездна страданий — вход в рай. Лу Синь не мог смириться с этим...» [刘再复, 刘剑梅 [Лю Цзайфу, Лю Цзяньмэй], 2008, с. 12]. Подобного рода суждения находятся, по сути, в русле идеологизированного прочтения творчества русского писателя, которое сообщество китайских исследователей долгое время не могло преодолеть.

Помимо двух первых видов исследования в современную научную парадигму включаются параллельные сравнения творчества Ф. М. Достоевского с творчеством писателей, принадлежащих к иным национальным культурам. Нельзя не заметить, что соответствующие исследования богаты фактическим материалом, в то время как многие из них лишены прочной академической базы, при недостаточности которой сравнение становится самоцелью. Так, в четвертой части книги «Что Достоевский дал Эйнштейну?» автор, основываясь только на поверхностном сходстве между «физическим экспериментом» и «экспериментом с человеческой природой», заключил: «Такого рода “жестокий эксперимент”, проведенный Достоевским, несомненно, дал Эйнштейну методологическое вдохновение. Мы знаем, что Эйнштейн обладает также превосходным талантом к экспериментальному дизайну, что является еще одним проявлением его творчества» [魏玲 [Вэй Лин], 2001, с. 57]. Вполне очевидно, что такого рода умозаключения малоосновательны.

В общем и целом традиционная литературоведческая методология сравнительного анализа в пределах исследовательского прочтения и творческой рецепции литературного наследия Ф. М. Достоевского в Китае продуктивна и обеспечивает преемственность в исторической динамике национального научного дискурса.

Социологическая критика

Социологическая критика долгое время занимала доминирующее положение в Китае и даже когда-то имела абсолютное преимущество над другими и определяла единую систему литературоведческих интерпретаций. Применение социологического подхода обусловило трактовку трех этапов научного прочтения Ф. М. Достоевского: от оценки его как писателя-реалиста, правдиво показывающего жизнь, к признанию гениальным писателем, сначала прогрессивным, а потом и реакционным.

После 1980-х годов сторонники социологического метода в изучении творчества Достоевского избавились от упрощения, отказались от модели классовых предпосылок в анализе и вернулись к применению логической схемы «время — мышление — творение». Хотя идеи русской революционно-демократической критики, ранее считавшиеся нормой, утратили свое определяющее

¹ Здесь и далее работы, опубликованные на китайском языке, цитируются в переводе Цэн Цзя, в редакции Т. В. Федосевой.

значение, они по-прежнему составляли теоретическую базу многих исследований. Обычный способ анализа состоял в обращении к биографическому и социальному контексту и описанию мыслительной и творческой деятельности писателя. Сочувственное отношение Достоевского к низам общества и критика капиталистической системы оценивались в китайском литературоведении как позитивные идеи, отказ от революции и религиозные убеждения — как негативные последствия, и, наконец, делался вывод о мировоззренческих противоречиях писателя.

С появлением новых теорий модель социологической критики сильно трансформировалась. Ей требовалось творческое обновление. Эта задача частично реализована в начале нынешнего века, но построение теоретической системы, инновации аналитических методов и теоретических символов все еще остаются актуальными, и исследования в этой области далеки от завершения.

Нельзя отрицать, что отдельные интерпретации до сих пор страдают ограниченностью социологического взгляда на героев Достоевского. К примеру, Цзян Лицзюань, анализируя образ Раскольникова, пишет: «Этот герой решил, что, прежде чем спасти всех бедных, он должен сначала спасти себя и самых близких ему людей. Для этого нужны были первоначальные средства, поэтому Раскольников взял топор и направился к старушке-ростовщице» [蒋丽娟 [Цзян Лицзюань], 2005, с. 177]. В этой интерпретации со всей очевидностью игнорируется истинная, идеологическая мотивация преступления Раскольникова. Между тем в ряде работ других ученых в Китае акцент ставится именно на идеологическом содержании романов русского писателя, в частности проясняется смысл конфронтации между Ф. М. Достоевским и Н. Г. Чернышевским. Так, Тун Мин обращает внимание на достоверные исторические факты в споре двух писателей-современников, которые он рассматривает в русле противостояния общественного прогресса консервативной идее. В понимании ученого, «...конфронтация Достоевского с Чернышевским направлена не на социализм или капитализм, а на утопическую мысль последнего и идеологическую систему, сформированную европейским Просвещением» [董明 [Тун Мин], 2009, с. 44]. Такого рода исследования способствуют нейтрализации чрезмерной формализации трактовок и позволяют представить многомерность мысли Достоевского о мире. Так, У Сяоду, считая мышление писателя чрезвычайно сложным, находит в его произведениях, с одной стороны, точное изображение социальной жизни России в XIX веке, а с другой — оформление развернутой культурной концепции [吴晓都 [У Сяоду], 2001].

Особого внимания заслуживает применение социологического метода в интерпретации романа «Бесы». Значительный политический подтекст романа предопределил то, что первый его китайский перевод появился только в 1983 году. Даже после 1990-х годов эта ситуация существенно не изменилась: исследователи в работах, посвященных роману «Бесы», ограничивались общим описанием и всячески избегали политических вопросов. В нынешнем столетии некоторые проблемы, такие как славянизм, антиингилизм и дело Нечаева, остро поставленные писателем в романе, уже не находятся под запретом. Также исследователей привлекает проблема борьбы с терроризмом. Многие ученые обсуждали значение, сущность, социальные и психологические причины русского терроризма, как и теоретические основы идеологических преступлений в произведении Достоевского, с разных точек зрения. В некоторых исследованиях затрагивался вопрос о революционном дискурсе и связи террористической психологии с революцией, чтобы понять, «может ли революция как справедливое и прогрессивное дело убивать невинного человека ради исторического прогресса» [张晓波 [Чжан Сяобо], 2006, с. 40]. В них проявляется необычайная академическая смелость. Причину, по которой проблема террористических преступлений стала особенно актуальной в спокойной академической среде, можно видеть в международной террористической атаке 11 сентября 2001 года. Ученый Чэнь Цзяньсинь заметил, что роман «Бесы» «имеет практическое значение для нашего понимания и даже предотвращения террористических преступлений» [陈建新 [Чэнь Цзяньсинь], 2005, с. 144].

Исследовательское поле социологической критики на рубеже XX и XXI веков было очень разнообразным и больше не ограничивалось категориями «маленького человека», «случайного семейства» и характером Карамазовых. В свете трагических последствий революционной идеи жизненная позиция писателя трактуется как консервативная, а самоограничение показывается все более и более убедительным.

В начале нового века вопрос об исторических реалиях в произведениях Ф. М. Достоевского все еще находился в центре внимания социологической критики, однако содержание традиционной позиции «реализм для жизни» пересматривается в соответствии с более современными теориями экзистенциализма и психоанализа [丁世鑫 [Дин Шисинь], 2007, с. 70]. Под влиянием этих идей складываются новые концепции: «полного реализма» [彭克巽 [Пэн Кэсюнь], 2001, с. 53], отрицания «материального детерминизма с духовной реальностью в качестве объекта» [梅兰 [Мэй Лан], 2001, с.

94], «символизации реальности и реальности символизма» [张杰 [Чжан Цзе], 2009, с. 12]. Китайские ученые осознали, что сложный и глубокий мир романов Достоевского невозможно вместить в рамки классической социологии, нужно найти новую теорию, чтобы интегрировать реалистические и нереалистические элементы этого мира. Так, ученый Мэй Лан осмыслил единство творческого метода писателя через интеграцию реалистической прагматики и иррациональности религиозного сознания: «Достоевский расширил область реализма <...>. ...создал новую область реализма — духовную реальность, интегрируя социальную критику и религиозную идею в духовном поле человека. Именно религиозные убеждения Достоевского (включая вопросы) позволяют ему наблюдать и исследовать реальность и внутренний мир человека, объединяя критическую, общественно значимую и идеалистическую природу реальности и религии» [梅兰 [Мэй Лан], 2001, с. 94].

Такие теоретические попытки, несомненно, ценны. В определенной степени они разрушают стереотипы традиционной социологии. Конечно, для реализации более систематических и самодостаточных исследований необходимы последовательные теоретические построения и текстологическая практика.

Применение полифонической теории М. М. Бахтина

Одновременно с социологической методологией, благополучно эволюционирующей в сторону постижения содержательной многогранности художественного мира Ф. М. Достоевского, в Китае развивалось направление, связанное с усвоением полифонической теории М. М. Бахтина, начало осмысления которой относится к 1980-м годам. Уже тогда было замечено ее определяющее значение для работ, посвященных творчеству русского писателя [夏仲翼 [Ся Чжуньй], 1981, с. 132–136].

В середине и конце 1980-х годов сообщество теоретиков литературы было обеспокоено основным вопросом комплексной теории М. М. Бахтина — содержанием понятия о «литературном субъекте» [钱中文 [Цянь Цзунвэнь], 1989, с. 36]. Согласно полифонической теории Бахтина, персонажи, являясь объектом авторского воображения, обладают независимым сознанием, следовательно, точка зрения героя имеет ту же ценность и значение, а в романе складывается диалог не только между персонажами, но и между автором и героем. Исходя из этого, полифонические романы Достоевского в результате устранения единого авторского сознания и авторитарного дискурса всегда находятся в «незавершенном состоянии». Как утверждал сам Бахтин, «...не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» [Бахтин, 1979, с. 6–7]. Это положение вызвало научную полемику: «Если главный герой — независимая личность, равнозначная писателю, то каков статус писателя в творении?» [钱中文 [Цянь Цзунвэнь], 1989, с. 36]. Тем не менее большинством исследователей уже тогда была принята к изучению романов Достоевского методология полифонизма, а понятия «диалог», «многоголосие», «пространственно-временная организация», «карнавализация» широко использовались в качестве инструментов анализа и дискурсивных символов в интерпретации романов писателя.

После 1990-х годов полифоническая теория в трактовке китайских достоевсковедов приобрела статус наиболее авторитетного дискурса, подобно тому, как в 1950–1970-х годах был популярен социологический дискурс в духе русской «реальной» критики В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

В начале XXI века китайский ученый Мэй Лан доказал, что прочтение полифонической теории М. М. Бахтина в работах ряда китайских достоевсковедов страдает односторонностью, и это становится причиной интерпретаций, игнорирующих ценностную позицию Ф. М. Достоевского, а именно его религиозные убеждения. Мэй Лан полагает, что «только перед лицом религиозного сознания Достоевского и его ценностной позиции, ориентированной на человека, исследование произведений писателя может соответствовать воссозданной в них реальной ситуации, и только тогда мы сможем по-настоящему понять духовную суть его полифонических романов» [梅兰 [Мэй Лан], 2001, с. 87]. Автор работы чутко уловил, что в романах Достоевского выражена единая авторская воля, его вера в Бога, которая извлекается читателем из содержательных диалогов между персонажами и диалогических отношений повествователя с героем.

Чтобы раскрыть связь между религиозными взглядами Ф. М. Достоевского и принципами его поэтики, а также определить механизм трансформации сознания героя, Ван Чжигэн осуществил системное рассмотрение полифонической теории М. М. Бахтина. Он указал на своего рода

«глубокую односторонность» теории в концентрации внимания на конструктивной особенности построения романов и игнорировании присущей им содержательной целостности. Он начал с того, что процитировал Бахтина: «Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью, если касается его “святая святых”, то есть “человека в человеке”» [Бахтин, 1979, с. 101], и пришел к пониманию основной идеи Достоевского: «человек в человеке» — это и есть «святость». Китайский исследователь считает, что идея святости как центральная была названа Бахтиным, но не могла быть развита в силу политической ситуации [王志耕 [Ван Чжигэн], 2003а, с. 117].

Ван Чжигэн прослеживает применение исторической поэтики и формальной критики к анализу полифонической теории, проясняет значение религиозной культуры для творчества Достоевского. Для большей убедительности анализа к исследованию привлекается сложившаяся в ортодоксальном богословии концепция «конвергенции» — понятие «полифонический роман» было переопределено в «роман конвергенции». Ученый поясняет: «Характерной чертой так называемого романа конвергенции является то, что в дополнение к “языковой неоднородности”, или полифонии, существует также принцип единого или интегрального пространства», а романы Достоевского отличаются соединением «антропологической формы религии и композиционного принципа искусства, изоморфны в произведениях, которые являются “высшей реальностью”», что обеспечивает единство «свободного диалога» [王志耕 [Ван Чжигэн], 2000, с. 28]. Таким образом, совмещаются центральные понятия бахтинской теории: «полифонизм» и единство ценностно определенной пространственно-временной организации художественного текста. Такого рода исследования служат соединению в литературоведческом дискурсе принципов исторической поэтики, формальной эстетики и религиозной культуры, что и позволяет, по выражению китайского ученого, «раскрыть коннотацию Достоевского как “русского” писателя» [王志耕 [Ван Чжигэн], 2000, с. 28].

Чжан Чжуцзюнь обратил внимание на мастерство Достоевского, остро поставившего в своих романах социально-психологические вопросы и сумевшего убедительно показать проблему разобщенности людей. Диалог в романах русского писателя, утверждает ученый, — «один из самых эффективных способов выразить чувство одиночества» [张竹筠 [Чжан Чжуцзюнь], 2000, с. 39]. Современные китайские достоевковеды размышляют и о бахтинском определении «незавершенности» героев Достоевского. Так, Янь Вэй возражает против такой характеристики и утверждает: «Персонажи в произведениях имеют предназначение, и различие между типами персонажей показывает, что они, в конечном счете, “завершены и доработаны”, а не наоборот» [闫伟 [Янь Вэй], 2006, с. 150]. Близкие этой идеи высказаны Ша Мэем, который считает, что «ядро теории Бахтина — равноправный диалог — несовместим с доминирующей идеей творчества Достоевского», «полифоническая теория описывает только столкновение и конфликт между положениями антинормы и не может объяснить внутреннюю мотивацию и окончательное решение такого рода противостояния» [沙湄 [Ша Мэй], 2004, с. 53].

При очевидной аргументированности приведенных умозаключений с ними сложно согласиться вполне, если принять во внимание суждения самого Бахтина, который говорил о «незавершенности» своего героя, имея в виду не его характер и поступки, а отношение образа к идее. «...дело идет не об обычной квалификации характера и поступков человека, — писал он, — а о показателе действительной причастности к идее его глубинной личности. Второе условие создания образа идеи у Достоевского — глубокое понимание им диалогической природы человеческой мысли, диалогической природы идеи» [Бахтин, 1979, с. 79]. Шэнь Цин справедливо отмечает совмещение «конструирования с деконструкцией» в структуре романов Достоевского и соглашается с умозаключением о незавершенности воплощенных таким способом идей, а не характеров [沈晴 [Шэнь Цин], 2009, с. 45].

Приведенные выше аргументы имеют достаточный вес, но свидетельствуют и о том, что в 2000-х годах согласованная теоретическая система по изучению романов Ф. М. Достоевского в китайском литературоведении не была сформирована.

Религиозно-культурологическая направленность

Третье направление связано с областью изучения религиозной культуры. После 1980-х годов в Китае был снят запрет с вопроса о взаимосвязи русской литературы с религиозной культурой. Оказались доступны работы русских религиозных философов рубежа XIX и XX веков: Л. И. Шестова, Д. С. Мережковского, С. Н. Булгакова, Вл. С. Соловьева, С. Л. Франка и др., рассматривавших

творчество Ф. М. Достоевского в этом аспекте, что в значительной степени определило новое направление в китайском достоевсковедении. Получило широкое признание и стало консенсусным в среде современных китайских исследователей русской литературы замечание Булгакова о том, что главные фигуры «в русской религиозной мысли и религиозных исканиях XIX в. — не философы, а романисты — Достоевский и Л. Толстой» [цит. по: Бердяев, 2008].

В XXI веке закономерность включения творчества Ф. М. Достоевского в национальный культурный и религиозный контекст в китайском литературоведении не вызывает сомнения. На сегодня сложилось две ветви в религиозно-культурном изучении творчества русского писателя. Одна заключается в исследовании идей и связанных с ними религиозных концептов, выводимых из анализа произведений Ф. М. Достоевского, что позволяет сформулировать важные религиозные положения и разобраться в отношении к религиозным и культурным приоритетам писателя. В данном контексте функционируют такие понятия, как «мучение души», «раздвоение личности», «карамазовщина». Другая ветвь предполагает начать с изучения религиозных и культурных представлений Достоевского, чтобы исследовать способ их генерации в литературное творчество и определить принципы поэтики. Этот метод отличается от первого тем, что изучение осуществляется не от поэтики к религиозным концепциям, а от религиозных концепций к принципам поэтики, то есть исследуются «культурные элементы, лежащие в основе принципов поэтики Достоевского, и раскрываются эти элементы» [王志耕 [Ван Чжигэн], 2000, с. 28]. Первый путь является более устоявшимся, в то время как второй представляет собой новую исследовательскую модель.

Религиозная и культурологическая направленность современного китайского достоевсковедения в целом предопределяет вращение исследовательской мысли вокруг следующих вопросов: 1) общая оценка и характеристика религиозного мировоззрения Ф. М. Достоевского; 2) взгляд на человеческую природу с точки зрения религии писателя, то есть то, как он понимает отношения между Богом и человеком; 3) религиозные концепты и литературное выражение преступления и наказания, страдания, свободы, рациональности, идей богочеловека и человекобога; 4) изоморфная связь между взглядом Достоевского на религию и спецификой поэтики; 5) религиозные и исторические взгляды в автобиографическом контексте писателя.

Среди отмеченных вопросов выделяется взгляд писателя на религию, а характеристика его религиозного позиционирования становится источником и теоретической предпосылкой для большинства исследований. Иногда интерпретация сочинений писателя выходит за рамки исследования религиозной культуры и распространяется на другие области общественного сознания.

По отношению к этому вопросу в Китае долгое время почти не было споров, и большинство ученых принимали идеи Достоевского. В современной науке выявляются определенные противоречия в религиозных взглядах писателя, основанные на его личных высказываниях. Приведем цитаты из двух отрывков Достоевского. Один — из письма к Н. Д. Фонвизиной в 1854 году: «Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки» [Достоевский, 1996]. Другой — из письма к А. Н. Майкову 1870 года, в котором писатель упомянул, что готовится написать роман под названием «Биография великого грешника»: «Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие. Герой, в продолжение жизни, то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист...» [Там же]. Исходя из этого и в сочетании с большим количеством созданных романистом образов атеистов, выводится заключение о том, что сам он сомневался в существовании Бога. В частности, Хэ Юньбо утверждает, что в религиозном сознании писателя существуют глубокие противоречия, укоренившееся сомнение в существовании Бога отвечало состоянию религиозного мышления русского общества второй половины XIX века [何云波 [Хэ Юньбо], 1997].

В XXI веке эта позиция сильно поколебалась, и многие стали придерживаться противоположной точки зрения. Среди них и ученый Ван Чжигэн. Он переосмыслил значение двух приведенных выше цитат, основываясь на значении русских слов, указал, что «существование Бога» в мысли Достоевского является абсолютной предпосылкой: «Хотя Достоевский находился под влиянием “рационализма эпохи Просвещения”, в его сердце глубоко “стремление к вере”, оно было априорным и самим писателем не подвергалось сомнению, то есть его вера в Бога была безусловной» [王志耕, 陈遐 [Ван Чжигэн, Чэнь Ся], 2008, с. 64–65]. Что касается недопонимания китайскими учеными вопроса о религиозности Достоевского, причина заключается в том, что «китайцы незнакомы с русской религиозной культурой и ищут в его произведениях общий смысл» [Там же, с. 65]. Это предложение указывает на дилемму, перед которой оказались китайские

исследователи в отсутствии сочувственного понимания религиозной идеи Достоевского [齐宏伟 [Ци Хунвэй], 2008].

Таким образом, исследовательская мысль в достоевковедении Китая развивается от отрицания религиозных убеждений Ф. М. Достоевского до нейтрализующей «теории противоречия» и вытекающей из нее «теории потребности Бога» к «морализующей», «гуманитарной религиозной теории» [何云波 [Хэ Юньбо], 1997]. В большинстве современных исследований обнаруживается понимание того, что, «с точки зрения Достоевского, Бог и человек не являются противоположными полюсами <...>. Ошибочно видеть в их отношениях только превосходство одного и подавление другого. Величие Бога заключается в совершенстве Бога как мерила ценностей, по которому равняются люди» [周丹 [Чжоу Дан], 2003 с. 57]. Такого рода умозаключения соответствуют концептуальному уровню трансцендентального понимания вопроса.

Исходя из вышесказанного, заметим, что критика религиозной культуры придала двум основным исследуемым аспектам — взглядам Достоевского на человеческую природу и литературное творчество — отличное от предшествовавшей интерпретации. Первое фокусируется на тезисе «человек, который обнаружил человека», в то время как второе — на стремлении «найти человека в человеке», на «реализме в высшей степени» [Достоевский, 1996]. Эти два положения всегда были актуальными для исследовательской практики в Китае. В прошлом знание о человеке интерпретировали через его социальный статус и духовный смысл, а суть «реализма в высшей степени» видели в том, что из испытания человека грехом извлекается скрытая за ним правда о человеке. Человек у Достоевского одновременно реалистичен и «богоподобен», поскольку наделен Богом свободой выбора. Вместе с тем писатель убедительно показывает, как свобода выбора приводит к извращению в человеке божественного образа. В этой интерпретации существование Бога в мире Достоевского безусловно и не противоречит идеям «человека в человеке» и «реализма в высшей степени».

Два слоя мировоззрения и художественно-поэтической системы писателя взаимодействуют в определенных позициях: преступление и наказание, страдание, свобода, рациональность, исторический взгляд, святые и атеисты, гуманизм и теория богочеловека. Они выводятся из концепции религии, пространственно-временной структуры, религиозной риторики. Большинство из них входило в круг вопросов китайского достоевковедения прежних лет, в то время как включение в исследовательское поле религиозного контекста, осуществляемое в Китае лишь с начала нового века, несомненно, углубляет исследовательские позиции. В монографии Ван Чжигэна «Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры» демонстрируется академическая смелость: в ней раскрывается связь между религиозной природой русской культуры и творчеством Достоевского на метафорическом уровне. Внутренняя логика исследования расширяется включением религиозной риторики, фактора ценностной определенности времени и пространства в произведениях писателя [王志耕 [Ван Чжигэн], 2003a].

Таким образом, в современном китайском достоевковедении открывается новая область изучения религиозной поэтики, дающая адекватное произведениям писателя направление будущим исследованиям.

Заключение

В первые десятилетия XXI века исследования творчества и личности Ф. М. Достоевского в Китае в целом показали устойчивую и упорядоченную тенденцию, которая уже не совпадает с идеологически и политически ограниченной ситуацией прошлого века. Несмотря на то, что «классовое» сознание и кардинальное различие национальных культурных традиций России и Китая все еще составляют препятствие в постижении глубин духовного содержания творчества русского писателя, многие ученые проявляют инициативу по интеграции с тенденциями современных мировых исследований. Диалогический аспект развития науки способствует определенному теоретическому вкладу китайских ученых в академический дискурс. Современному достоевковедению в Китае свойствен комплексный подход: совмещение методов сравнительного анализа с социологической критикой, а бахтинской философско-эстетической концепции полифонизма — с религиозно-культурологическим подходом. Соединение традиционных литературоведческих подходов с оформляющимися вновь методологическими системами способствует углубленному анализу и адекватной интерпретации романов Достоевского в Китае.

Список источников

1. Алексеев П. В. Достоевский и Китай: к постановке имагологической проблемы // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы V Междунар. науч. конф. : в 2 т. — Горно-Алтайск, 2016. — Т. 1. — С. 38–52.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — СПб. : Азбука, 2015. — 412 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — 4-е изд. — М. : Сов. Россия, 1979. — 318 с.
4. Бердяев Н. А. Русская идея. — СПб. : Азбука-классика, 2008. — URL : <https://www.livelib.ru/book/112277/read-russkaya-ideya-nikolaj-berdyayev?contnts=true> (дата обращения: 20.08.2022).
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. — СПб. : Наука, 1996. — Т. 15. — URL : <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/490.htm> 1870 (дата обращения: 19.08.2022).
6. Ма Мэнцю. М. М. Бахтин как носитель русской традиции: современное восприятие идей Бахтина в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Литературоведение. Журналистика». — 2022. — Т. 27, № 2. — С. 359–370. — DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-359-370.
7. Семькина Р. С.-И. Современное достоевсковедение в Китае // Культура и текст. — 2016. — № 3 (26). — С. 113–115.
2. Сюй Чаожань. Изучение творчества Ф. М. Достоевского в Китае с начала 90-х по 2013 г. // Русская литература и современные проблемы образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Пермь, 2015. — С. 97–103.
3. Хуэйжун А. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 154–176. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176.
4. Чжан Бянь Гэ. Восприятие Достоевского в Китае // Достоевский и XX век : в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. — М. : ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 2. — С. 466–482.
5. Чжан Жуньмэй. Особенности восприятия идей Ф. М. Достоевского в Китае // Вестник РУДН. Сер. «Философия». — 2017. — Т. 21, № 3. — С. 411–418.
6. Чжао Хун, Дубкова О. В. Перевод и исследование творчества Ф. М. Достоевского в Китае в XXI в. // Коммуникативные исследования. 2021. — Т. 8, № 4. — С. 671–686.
7. 王志耕. 走入宗教文化语境 : 陀思妥耶夫斯基研究模式构想. 俄罗斯文艺, 2000, (3):28–36. [Ван Чжигэн. Вхождение в контекст религиозной культуры: концепция модели Достоевсковедения // Русская литература и искусство. — 2000. — № 3. — С. 28–36].
8. 王志耕. 宗教文化语境下的陀思妥耶夫斯基诗学. 北京: 北京师范大学出版社, 2003年. 218页. [Ван Чжигэн. Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры. — Пекин : Изд-во Пекинского пед. ун-та, 2003а. — 218 с.].
9. 王志耕. 《聚合性》与陀思妥耶夫斯基的复调艺术. 外国文学评论, 2003, (1):116–126. [Ван Чжигэн. Соборность и полифония Достоевского // Обзоры зарубежной литературы. — 2003б. — № 1. — С. 116–126].
10. 王志耕. 宗教之维 : 国内陀思妥耶夫斯基文化诗学研究概述. 国外文学, 2006, (1):80–88. [Ван Чжигэн. Измерение религии: обзор исследований культурной поэтики Ф. М. Достоевского в Китае // Зарубежная литература. — 2006. — № 1. — С. 80–88].
11. 王志耕, 陈遐. 陀思妥耶夫斯基是否《怀疑》上帝存在. 俄罗斯文艺, 2008, (3):64–65. [Ван Чжигэн, Чэнь Ся. «Сомневается» ли Достоевский в существовании Бога? // Русская литература и искусство. — 2008. — № 3. — С. 64–65].
12. 魏玲. 陀思妥耶夫斯基给予了爱因斯坦什么. 国外文学, 2001, (2):53–59. [Вэй Лин. Что Достоевский дал Эйнштейну // Зарубежная литература. — 2001. — № 2. — С. 53–59].
13. 戈宝权. 陀思妥耶夫斯基的作品在中国. 译文, 1956, (4):55–59. [Гэ Баоцюань. Произведения Ф. М. Достоевского в Китае // Перевод. — 1956. — № 4. — С. 55–59].
14. 丁世鑫. 《为人生的现实主义作家》——陀思妥耶夫斯基在现代中国的基本定位. 俄罗斯文艺, 2007, (3):70. [Дин Шисинь. «Писатель-реалист для жизни» — основное позиционирование Достоевского в современном Китае // Русская литература и искусство. — 2007. — № 3. — С. 70].
15. 丁世鑫. 90年代陀思妥耶夫斯基在中国的研究. 浙江科技学院学报, 2021, (46):35–41. [Дин Шисинь. Исследования Ф. М. Достоевского в 90-е гг. XX в. в Китае // Вестник Чжэцзянского технического университета. — 2021. — № 46. — С. 35–41].
16. 林精华. 去民族性特色与扩展全球性价值 —— 西方 20 世纪视野中的陀思妥耶夫斯基形象. 俄罗斯文艺, 2003, (2):45–88. [Линь Цзиньхуа. Деэтнические характеристики и расширение глобальных ценностей — образ Достоевского в западном видении XX века // Русская литература и искусство. — 2003. — № 2. — С. 45–88].
17. 鲁迅. 且介亭杂文二集. 北京: 人民文学出版社, 1973年. 210页. [Лу Синь. Очерки Чьецзетин. — Пекин : Изд-во нар. лит., 1997. — 210 с.].
18. 刘娜. 21世纪仍然是陀思妥耶夫斯基的世纪 —— 2016 年陀学新动向概评. 书外国文学动态研究, 2017, (1):68–75. [Лю На. «XXI век по-прежнему век Ф. М. Достоевского». Обзор новых тенденций в изучении

- Ф. М. Достоевского в 2016 г. // Исследования динамики развития иностранной литературы. — 2017. — № 1. — С. 68–75].
19. 刘再复, 刘剑梅. 东西方的两种伟大心灵景观 —— 曹雪芹和陀思妥耶夫斯基. 书屋, 2008, (3):12–18. [Лю Цзайфу, Лю Цзяньмэй. Два великих духовных ландшафта Востока и Запада — Цао Сюэцзинь и Достоевский // Книжный дом. — 2008. — № 3. — С. 12–18].
20. 茅盾. 陀思妥耶夫斯基的思想. 小说月报, 1922, (1):6–10. [Мао Дун. Идеи Ф. М. Достоевского // Ежемесячник прозы. — 1922. — № 1. — С. 6–10].
21. 梅兰. 论陀思妥耶夫斯基的现实主义 —— 兼评巴赫金复调理论的局限性. 华中师范大学学报, 2001, (3):86–94. [Мэй Лан. О реализме Достоевского — ограниченность полифонической теории Бахтина // Вестник Центрально-Китайского педагогического университета. — 2001. — № 3. — С. 86–94].
22. 彭克巽. 陀思妥耶夫斯基的创作美学. 国外文学, 2001, (3):52–58. [Пэн Кэсюнь. Творческая эстетика Достоевского // Зарубежная литература. — 2001. — № (3). — С. 52–58].
23. 童明. 自然机器·人性·乌托邦: 再论陀思妥耶夫斯基和车尔尼雪夫斯基之争. 外国文学, 2009, (1):36–44. [Тун Мин. Природная машина. Человеческая природа. Утопия: дискуссия о споре Достоевского и Чернышевского // Зарубежная литература. — 2009. — № 1. — С. 36–44].
24. 吴晓都. 陀思妥耶夫斯基与俄国人文精神. 国外文学, 2001, (3):59–66. [У Сяоду. Достоевский и русский человеческий дух // Иностранная литература. — 2001. — № 3. — С. 59–66].
25. 吴春生. 陀思妥耶夫斯基的上帝问题. 绥化学院学报, 2005, (2):56–60. [У Чуньшэн. Проблема Бога Достоевского // Вестник университета Суйхуа. — 2005. — № 2. — С. 56–60].
26. 何云波. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神. 长沙: 湖南教育出版社, 1997年. 240页. [Хэ Юньбо. Достоевский и дух русской культуры. — Чанша: Изд-во образования Хунань, 1997. — 240 с.].
27. 曾军. 巴赫金接受与中国的陀思妥耶夫斯基研究. 西安人文杂志. 西安, 2003年04月. 103–110. [Цзэн Цзюнь. Восприятие Бахтина и китайское исследование Достоевского // Жэньвэнь: журнал. — Сиань. — 2003. — № 4. — С. 103–110].
28. 曾军. 巴赫金接受与中国的陀思妥耶夫斯基研究. 人文杂志, 2003, (4):103–111. [Цзэн Цзюнь. Восприятие идей М. М. Бахтина и китайское достоевсковедение // Журнал гуманитарных наук. — 2003. — № 4. — С. 103–111].
29. 蒋丽娟. 《罪与罚》的宗教内涵及人道主义思想. 学术交流, 2005, (9):169–179. [Цзянь Лицзюань. Религиозный подтекст и гуманитарная мысль в «Преступлении и наказании» // Академический обмен. — 2005. — № 9. — С. 169–179].
30. 齐宏伟. 文学·苦难·精神资源. 南昌: 江西人民出版社, 2008年. 334页. [Ци Хунвэй. Литература. Страдание. Духовные ресурсы. — Наньчан: Нар. изд-во Цзянси, 2008. — 334 с.].
31. 钱中文. 误解要避免, 误差”却是必要的. 外国文学评论, 1989, (4):33–36. [Цянь Цзунвэнь. Избежание заблуждения, а необходимо отклонение // Обзоры зарубежной литературы. — 1989. — № 4. — С. 33–36].
32. 张变革. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯戏剧. 戏剧艺术, 2007, (2):42–50. [Чжан Бяньгэ. Достоевский и русская драма // Театральное искусство. — 2007. — № 2. — С. 42–50].
33. 张变革. 卡拉马佐夫兄弟: 赞成与反对的话语激情. 俄罗斯文艺, 2009, (3):36–42. [Чжан Бяньгэ. Братья Карамазовы: суждения за и против // Русская литература и искусство. — 2009. — № 3. — С. 36–42].
34. 张变革. 当代中国学者论陀思妥耶夫斯基. 北京: 北京大学出版社, 2012年. 306页. [Чжан Бяньгэ. Современные китайские ученые о Достоевском. — Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2012. — 306 с.].
35. 张劭. 神性与魔性 —— 鲁迅与陀思妥耶夫斯基精神气质比较论. 鲁迅研究月刊, 2008, (6):72–77. [Чжан Мэн. Божественная и демоническая натура. Сравнительный анализ духовного темперамента Лу Синя и Достоевского // Исследовательский ежемесячник Лу Синя. — 2008. — № 6. — С. 72–77].
36. 张晓波. 《杀死那个无辜的人》. 书城, 2006, (3):35–46. [Чжан Сяобо. «Убил невинного человека» // Книжный город. — 2006. — № 3. — С. 35–46].
37. 张杰. 现实的象征化与象征的现实化 —— 《卡拉马佐夫兄弟》的现实主义的象征主义阐释. 外国文学研究, 2009, (4):10–16. [Чжан Цзе. Символизация реальности и реальность символизма — символистская интерпретация реализма в «Братья Карамазовы» // Изучение зарубежной литературы. — 2009. — № 4. — С. 10–16].
38. 张竹筠. 论陀思妥耶夫斯基小说中的孤独意识与对话艺术. 外国文学研究, 2000, (2):30–39. [Чжан Чжунъюнь. О феномене одиночества и искусстве диалога в романах Достоевского // Исследования зарубежной литературы. — 2000. — № 2. — С. 30–39].
39. 周丹. 神性的诗意 —— 浅论陀思妥耶夫斯基的宗教思想, 兼与何云波先生商榷. 俄罗斯文艺, 2003, (2):52–59. [Чжоу Дан. Поэзия божественности — краткое обсуждение религиозных идей Достоевского и дискуссия с г-ном Хэ Юньбо // Русская литература и искусство. — 2003. — № 2. — С. 52–59].
40. 陈建新. 《群魔》与恐怖主义. 西南民族大学学报, 2005, (11):132–145. [Чэнь Цзяньсинь. «Бесы» и терроризм // Вестник юго-Западного университета национальностей. — 2005. — № 11. — С. 132–145].
41. 沙湄. 《宗教大法官》与巴赫金的诗学问题. 文学评论, 2004, (3):47–55. [Ша Мэй. «Великий инквизитор» и поэтические темы Бахтина // Литературное обозрение. — 2004. — № 3. — С. 47–55].

42. 沈晴. 被背叛的复调 —— 米兰·昆德拉与陀思妥耶夫斯基小说中的复调思维. 俄罗斯文艺, 2009, (2):44–50. [Шэнь Цин. Преданная полифония — полифоническое мышление в романах Милана Кундры и Достоевского // Русская литература и искусство. — 2009. — № 2. — С. 44–50].
43. 闫伟. 从《卡拉马佐夫兄弟中》的人物类型再谈巴赫金的《未完成性》理论. 学术论坛, 2006, (6):140–151. [Янь Вэй. О типах персонажей «Братьев Карамазовых» и теории незавершенности Бахтина // Академический форум. — 2006. — № 6. — С. 140–151].
44. 夏仲翼. 窥探心灵奥秘的艺术 —— 陀思妥耶夫斯基艺术创作散论. 苏联文学, 1981, (1):132–136. [Ся Чжуньй. Искусство проникновения в тайны души — о художественном творчестве Достоевского // Советская литература. — 1981. — № 1. — С. 132–136].
45. 张磊. 新世纪中国陀思妥耶夫斯基研究综述. 深圳大学学报(人文社会科学版). 深圳, 2014 年03 月第31 卷(2):119–123. [Чжан Лэй. Резюме китайского исследования Достоевского в новом веке // Научная газета Шэньчжэньского университета. — 2014. — № 31 (2). — С. 119–123].

References

1. Alekseev P. V. Dostoevsky and China: on the phrasing of the imagological problem. *Dialog kultur: poetika lokalnogo teksta: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t.* [Dialogue of cultures: poetics of the local text: materials of the V Intern. scientific conf.: in 2 vols]. Gorno-Altaysk, 2016, v. 1, pp. 38–52. (In Russian).
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg, Azbuka, 2015, 412 p. (In Russian).
3. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 4th ed. Moscow, Sov. Russia, 1979, 318 p. (In Russian).
4. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya* [The Russian idea]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2008. Available at : <https://www.livelib.ru/book/112277/read-russkaya-ideya-nikolaj-berdyayev?contnts=true> (accessed: 20.08.2022). (In Russian).
5. Dostoevsky F. M. *Sobraniye sochineniy: v 15 t.* [Collected works: in 15 volumes]. St. Petersburg, Nauka, 1996. V. 15. Available at : <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/490.htm> 1870 (accessed: 19.08.2022). (In Russian).
6. Ma Mengqiu. M. M. Bakhtin as a bearer of the Russian tradition: modern perception of Bakhtin's ideas in China. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. "Literaturovedeniye. Zhurnalistika"* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser. "Literary Studies. Journalism"]. 2022, v. 27, iss. 2, pp. 359–370. DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-359-370. (In Russian).
7. Semykina R. S.-I. Contemporary Dostoevsky Studies in China. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text]. 2016, iss. 3 (26), pp. 113–115. (In Russian).
8. Xu Chaoran. Study of the work of F. M. Dostoevsky in China from the 1990s to 2013. *Russkaya literatura i sovremennyye problemy obrazovaniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russian literature and modern problems of education: materials of Intern. scientific-practical. conf.]. Perm, 2015, pp. 97–103. (In Russian).
9. Huizhong A. Reception of Dostoevsky's work in Chinese translations, works of art and scientific research. *Nauchny dialo* [Scientific Dialogue]. 2020, iss. 11, pp. 154–176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176 (In Russian).
10. Zhang Bian Ge. Perception of Dostoevsky in China. *Dostoyevsky i XX vek: v 2 t. Pod red. T. A. Kasatkinoy* [Dostoevsky and the XX century: in 2 volumes. Ed. T. A. Kasatkina]. Moscow, IMLI RAN, 2007, v. 2, pp. 466–482. (In Russian).
11. Zhang Junmei. Peculiarities of perception of F. M. Dostoevsky's ideas in China. *Vestnik RUDN. Ser. "Filosofiya"* [Bulletin of RUDN University. Ser. "Philosophy"]. Moscow, 2017, v. 21, iss. 3, pp. 411–418. (In Russian).
12. Zhao Hong, Dubkova O. V. Translation and research of F. M. Dostoevsky's work in China in the XXI century. *Kommunikativnyye issledovaniya. 2021* [Communication research]. 2021, v. 8, iss. 4, pp. 671–686. (In Russian).
13. 王志耕. 走入宗教文化语境: 陀思妥耶夫斯基研究模式构想. 俄罗斯文艺, 2000, (3):28–36. [Wang Zhigeng. Entering the Context of Religious Culture: The Concept of the Dostoevskian Model. *Russian Literature and Art*, 2000, iss. 3, pp. 28–36]. (In Chinese).
14. 王志耕. 北京: 北京师范大学出版社, 2003年. 218页. [Wang Zhigeng. *Poetics of Dostoevsky in the context of religious culture*]. Beijing, Publishing House of Beijing Ped. Un-ty, 2003a, 218 p. (In Chinese).
15. 聚合性》与陀思妥耶夫斯基的复调艺术 外国文学评论, 2003, (1):116–126. [Wang Zhigeng. *Sobornost and polyphony of Dostoyevsky. Reviews of foreign literature*, 2003b, iss. 1, pp. 116–126. (In Chinese).
16. 王志耕. 宗教之维 : 国内陀思妥耶夫斯基文化诗学研究概述. 国外文学, 2006, (1):80–88. [Wang Zhigeng. Dimension of Religion: A Review of F. M. Dostoevsky's Cultural Poetics in China. *Foreign Literature*, 2006, iss. 1, pp. 80–88]. (In Chinese).
17. 王志耕, 陈遐. 陀思妥耶夫斯基是否《怀疑》上帝存在. 俄罗斯文艺, 2008, (3):64–65. [Wang Zhigeng, Chen Xia. *Does Dostoevsky "doubt" the existence of God? Russian literature and art*, 2008, iss. 3, pp. 64–65]. (In Chinese).

18. 魏玲. 陀思妥耶夫斯基给予了爱因斯坦什么. 国外文学, 2001, (2):53–59. [Wei Ling. What Dostoevsky gave to Einstein. *Foreign Literature*, 2001, iss. 2, pp. 53–59]. (In Chinese).
19. 戈宝权. 陀思妥耶夫斯基的作品在中国. 译文, 1956, (4):55–59. [Ge Baoquan. The works of F. M. Dostoevsky in China. *Translation*, 1956, iss. 4, pp. 55–59]. (In Chinese).
20. 丁世鑫. 《为人的现实主义作家》俄罗斯文艺, 2007, (3):70. [Ding Shixin. “A realist writer for life” as the main status of Dostoevsky in modern China. *Russian Literature and Art*, 2007, iss. 3, p. 70]. (In Chinese).
21. 丁世鑫. 90年代陀思妥耶夫斯基在中国的研究. 浙江科技学院学报, 2021, (46):35–41. [Ding Shixin. Studies of F. M. Dostoevsky in the 1990s. *20th century in China. Bulletin of Zhejiang Technical University*, 2021, iss. 46, pp. 35–41. (In Chinese).
22. 林精华. 去民族性特色与扩展全球性价值 俄罗斯文艺, 2003, (2):45–88. [Lin Jinghua. Deethnic Characteristics and the Expansion of Global Values — the Image of Dostoevsky in the Western Vision of the 20th Century. *Russian Literature and Art*, 2003, iss. 2, pp. 45–88]. (In Chinese).
23. 鲁迅. 且介亭杂文二集. 北京: 人民文学出版社, 1973年. 210页. [Lu Xin. *Essays on Chiezetin*. Beijing, Publishing house of people’s lit., 1973, 210 p.]. (In Chinese).
24. 刘娜. 21世纪仍然是陀思妥耶夫斯基的世纪 —— 2016年陀学新动向概评. 书外国文学动态研究, 2017, (1):68–75. [Liu Na. “The 21st century is still the century of F. M. Dostoevsky”. Review of new trends in the study of F. M. Dostoevsky in 2016. *Studies in the dynamics of the development of foreign literature*, 2017, iss. 1, pp. 68–75]. (In Chinese).
25. 刘再复, 刘剑梅. 东西方的两种伟大心灵景观 书屋, 2008, (3):12–18. [Liu Zaifu, Liu Jianmei. Two great spiritual landscapes of East and West — Cao Xueqin and Dostoevsky. *Book House*, 2008, iss. 3, pp. 12–18]. (In Chinese).
26. 茅盾. 陀思妥耶夫斯基的思想. 小说月报, 1922, (1):6–10. [Mao Dong. Ideas of F. M. Dostoevsky. *Prose Monthly*, 1922, iss. 1, pp. 6–10]. (In Chinese).
27. 梅兰. 论陀思妥耶夫斯基的现实主义 华中师范大学学报, 2001, (3):86–94. [Mei Lan. On Dostoevsky’s realism — the limitations of Bakhtin’s polyphonic theory. *Bulletin of Central China Pedagogical University*, 2001, iss. 3, pp. 86–94]. (In Chinese).
28. 彭克巽. 陀思妥耶夫斯基的创作美学. 国外文学, 2001, (3):52–58. [Peng Kexun. Creative aesthetics of Dostoevsky. *Foreign Literature*, 2001, iss. (3), pp. 52–58]. (In Chinese).
29. 童明. 外国文学, 2009, (1):36–44. [Tong Ming. Natural machine. Human nature. Utopia: a discussion about the dispute between Dostoevsky and Chernyshevsky. *Foreign Literature*, 2009, iss. 1, pp. 36–44]. (In Chinese).
30. 吴晓都. 陀思妥耶夫斯基与俄国人文精神. 国外文学, 2001, (3):59–66. [Wu Xiaodu. Dostoevsky and the Russian human spirit. *Foreign Literature*, 2001, iss. 3, pp. 59–66]. (In Chinese).
31. 吴春生. 陀思妥耶夫斯基的上帝问题. 绥化学院学报, 2005, (2):56–60. [Wu Chunsheng. The problem of Dostoevsky’s God. *Bulletin of Suihua University*, 2005, iss. 2, S. 56–60]. (In Chinese).
32. 吴春生. 陀思妥耶夫斯基的上帝问题. 绥化学院学报, 2005, (2):56–60. [Wu Chunsheng. The problem of Dostoevsky’s God. *Bulletin of Suihua University*, 2005, iss. 2, pp. 56–60]. (In Chinese).
33. 何云波. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神. 长沙: 湖南教育出版社, 1997年. 240页. [He Yunbo. Dostoevsky and the spirit of Russian culture. Changsha, Hunan Education Publ., 1997, 240 p.]. (In Chinese).
34. 曾军. 巴赫金接受与中国的陀思妥耶夫斯基研究. 西安人文杂志. 西安, 2003年04月. 103–110. [Zeng Jun. Perception of Bakhtin and the Chinese Study of Dostoevsky. *Renwen: Journal*, Xi’an, 2003, iss. 4, pp. 103–110]. (In Chinese).
35. 曾军. 巴赫金接受与中国的陀思妥耶夫斯基研究. 人文杂志, 2003, (4):103–111. [Zeng Jun. Perception of the ideas of M. M. Bakhtin and Chinese Studies of Dostoevsky. *Journal of the Humanities*, 2003, iss. 4, pp. 103–111]. (In Chinese).
36. 蒋丽娟. 学术交流, 2005, (9):169–179. [Jiang Lijuan. Religious overtones and humanitarian thought in “Crime and Punishment”. *Academic Exchange*, 2005, iss. 9, pp. 169–179]. (In Chinese).
37. 齐宏伟. 文学·苦难·精神资源. 南昌: 江西人民出版社, 2008年. 334页. [Qi Hongwei. Literature. Suffering. Spiritual resources. Nanchang, People’s Jiangxi Publ., 2008, 334 p.]. (In Chinese).
38. 钱中文. 误解要避免, 误差”却是必要的. 外国文学评论, 1989, (4):33–36. [Qian Zongwen. Avoidance of delusion, but deviation is required. *Reviews of foreign literature*, 1989, iss. 4, pp. 33–36]. (In Chinese).
39. 张变革. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯戏剧. 戏剧艺术, 2007, (2):42–50. [Zhang Biange. Dostoevsky and Russian Drama. *Theatrical Art*, 2007, iss. 2, pp. 42–50]. (In Chinese).
40. 张变革. 卡拉马佐夫兄弟: 赞成与反对的话语激情. 俄罗斯文艺, 2009, (3):36–42. [Zhang Biange. The Brothers Karamazov: judgments for and against. *Russian Literature and Art*, 2009, iss. 3, pp. 36–42]. (In Chinese).
41. 张变革. 当代中国学者论陀思妥耶夫斯基. 北京: 北京大学出版社, 2012年. 306页. [Zhang Biange. Modern Chinese scholars on Dostoevsky. Beijing, Beijing University Press, 2012, 306 p.]. (In Chinese).
42. 张勐. 神性与魔性 鲁迅研究月刊, 2008, (6):72–77. [Zhang Meng. Divine and demonic nature. Comparative analysis of the temperaments of Lu Xun and Dostoevsky. *Lu Xun Studies Monthly*, 2008, iss. 6, pp. 72–77]. (In Chinese).

43. 张晓波.《杀死那个无辜的人》.书城, 2006, (3):35–46. [Zhang Xiaobo. “Killed an innocent person”. Book City, 2006, iss. 3, pp. 35–46]. (In Chinese).
44. 张杰. 现实的象征化与象征的现实化 外国文学研究, 2009, (4):10–16. [Zhang Jie. Symbolization of Reality and Reality of Symbolism — A Symbolist Interpretation of Realism in The Brothers Karamazov. Studies of Foreign Literature, 2009, iss. 4, pp. 10–16]. (In Chinese).
45. 张竹筠. 论陀思妥耶夫斯基小说中的孤独意识与对话艺术. 外国文学研究, 2000, (2):30–39. [Zhang Zhujun. On the Phenomenon of Loneliness and the Art of Dialogue in Dostoevsky's Novels. Studies of Foreign Literature, 2000, iss. 2, pp. 30–39]. (In Chinese).
46. 周丹. 神性的诗意, 兼与何云波先生商榷. 俄罗斯文艺, 2003, (2):52–59. [Zhou Dan. Poetry of Divinity — A Brief Discussion of Dostoevsky's Religious Ideas and a Discussion with Mr. He Yunbo. Russian Literature and Art, 2003, iss. 2, pp. 52–59]. (In Chinese).
47. 陈建新《群魔》与恐怖主义. 西南民族大学学报, 2005, (11):132–145. [Chen Jianxin. “Demons” and terrorism. Bulletin of the Southwestern University of Nationalities, 2005, iss. 11, pp. 132–145]. (In Chinese).
48. 沙涓. 《宗教大法官》与巴赫金的诗学问题. 文学评论, 2004, (3):47–55. [Sha Mei. “The Grand Inquisitor” and Bakhtin's poetic themes // Literary Review, 2004, iss. 3, pp. 47–55]. (In Chinese).
49. 沈晴. 被背叛的复调 俄罗斯文艺, 2009, (2):44–50. [Shen Qing. Betrayal of polyphony — polyphonic thinking in the novels of Milan Kundera and Dostoyevsky. Russian literature and art, 2009, iss. 2, pp. 44–50]. (In Chinese).
50. 闫伟. 从《卡拉马佐夫兄弟中》的人物类型再谈巴赫金的《未完成性》理论. 学术论坛, 2006, (6):140–151. [Yan Wei. On the types of characters in The Brothers Karamazov and Bakhtin's theory of incompleteness. Academic Forum, 2006, iss. 6, pp. 140–151]. (In Chinese).
51. 夏仲翼. 窥探心灵奥秘的艺术 苏联文学, 1981, (1):132–136. [Xia Zhongyi. The art of penetrating the secrets of the soul: on Dostoevsky's artistic work. Soviet literature, 1981, iss. 1, pp. 132–136]. (In Chinese).
52. 张磊. 新世纪中国陀思妥耶夫斯基研究综述. 深圳大学学报(人文社会科学版). 深圳, 2014年03月第31卷(2):119–123. [Zhang Lei. Summary of Chinese Dostoevsky Research in the New Century. Research Newspaper of Shenzhen University, 2014, iss. 31 (2), pp. 119–123]. (In Chinese).

Информация об авторах

Федосеева Татьяна Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история и теория русской литературы, методология литературоведческих исследований, русская поэзия, предромантизм, романтизм, неоромантизм, Г. Р. Державин, Ф. И. Тютчев, Я. П. Полонский, С. А. Есенин.

Цэн Цзя — соискатель кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: русская литература XIX века, Ф. М. Достоевский.

Information about the authors

Fedoseeva Tatyana Vasilievna — Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Journalism of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: history and theory of Russian literature, methodology of literary studies, Russian poetry, preromanticism, romanticism, neo-romanticism, G. R. Derzhavin, F. I. Tyutchev, Ya. P. Polonsky, S. A. Yesenin.

Tseng Jia — a Doctoral applicant at the Department of Literature and Journalism of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: Russian literature of the 19th century, F. M. Dostoevsky.

Статья поступила в редакцию 17.07.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 17.07.2022; accepted for publication 20.12.2022.